

Когда-то очень давно Йокогама была самым обыкновенным прибрежным городом.

Местные жители кормились рыбным промыслом и постепенно обустроивали гавань. Море щедро делилось своими богатствами, помогая крошечному поселению стремительно набирать силу. Со временем Йокогама превратилась в процветающий торговый порт, ставший важнейшим узлом для связи с внешним миром.

Но все изменилось с началом Войны эсперов. Из-за удобного географического положения город наводнили одаренные люди со всех уголков земного шара. Вдобавок ко всему, под влиянием загадочного аномального излучения именно здесь рождалось большинство японских эсперов, которых военные тут же забирали на фронт.

Прежде цветущий порт превратился в серую зону, где переплелись закон и беззаконие. Город запятнал себя кровью, став в глазах правителей разменной монетой в чужих играх и вечным очагом катастроф.

Но главная беда была еще впереди...

Ступив на землю Йокогамы, Аль-Хайтам сразу почувствовал тяжелый, вьевшийся в воздух запах гари и запекшейся крови.

«Дела зашли уже слишком далеко»

Он прекрасно понимал, что правительство давно бросило этот город на произвол судьбы, однако реальность превзошла худшие ожидания. Члены Портовой мафии устраивали разборки прямо посреди бела дня, никого не опасаясь и не скрываясь.

Аль-Хайтам скрыл свое присутствие и неторопливо пошел по улице, бесстрастно фиксируя каждую деталь царящего вокруг хаоса.

Его цель была предельно ясна: обнаружить спрятанную глубоко под землей лабораторию и найти ребенка, обреченного стать живым сосудом.

Задача виделась почти невыполнимой. Одно дело — проводить бесчеловечные эксперименты над обычными людьми и эсперами в условиях военной анархии. Совсем другое — вскрыть заговор, нити которого тянулись к высокопоставленным военным чинам и зарубежным спецслужбам. Все это слишком усложняло дело.

— И ты по-прежнему не можешь назвать точные координаты? — мысленно спросил Аль-Хайтам.

Он недоумевал, на чем зиждется эта слепая вера Системы в его всемогущество. Неужели она всерьез полагает, будто он способен вслепую перерыть сотни верст земли и мгновенно выйти на след секретного объекта? Каким бы выдающимся ученым он ни был, действовать без навигации в экстренной ситуации — чистой воды безумие.

«Объект охраняет пространственный эспер, — виновато забормотал системный плесенник, робко покачивая грибной шляпкой. Он понимал, что требует невозможного, но деваться было некуда — оставалось уповать лишь на проницательность Аль-Хайтама. — Я могу слегка помочь тебе, но так, чтобы не привлечь лишнего внимания»

Аль-Хайтам промолчал.

Он давно изучил эту повадку Системы: становиться абсолютно бесполезной в самый неподходящий момент.

— Тогда укажи хотя бы место, где прогремит взрыв.

Это существенно сужало круг поисков. Достаточно было заранее очертить зону, где неизбежно случится катастрофа.

Вскоре среди руин и суматохи заброшенных кварталов замелькал неприметный силуэт.

Стоит признать, создатели проекта «Арахабакки» умели замечать следы. Лаборатория была законспирирована настолько тщательно, что ее координаты регулярно менялись.

«Только в самый последний момент Арахабакки пробудится под воздействием сил двух превосходящих эсперов»

Их единственным успешным образцом, которого оберегали как зеницу ока, оставался ребенок, пребывающий в глубоком анабиозе. Он не помнил себя, не знал своего имени и идеально подходил под концепцию абсолютного человеческого оружия. Стоило ему открыть глаза, как его ждали бесконечные тесты, допросы и жестокое промывание мозгов.

Пробродив по городу до самого вечера, Аль-Хайтам сумел составить общую картину происходящего.

«Большинство тех, кто остался в Йокогаме — это простые горожане, успевшие обзавестись жильем, или старики, наотрез отказавшиеся покидать родные гнезда»

«Мэр Йокогамы искренне пытается навести порядок, но его полномочия узурпированы Портовой мафией и Специальным отделом по делам эсперов. Бедняге приходится безмолвно исполнять роль свадебного генерала»

«Два превосходящих эспера из Франции уже пересекли границу. Из-за колоссальной разницы в силе получить о них более точные сведения пока невозможно»

Аль-Хайтам мысленно набросал несколько возможных планов действий. Однако времени оставалось в обрез, и предотвратить неизбежную катастрофу целиком он бы не успел.

Оставалось лишь минимизировать последствия.

Аль-Хайтам задумчиво постучал пальцами по обложке книги, решая, как выйти на связь с ключевыми фигурами этого конфликта так, чтобы самому остаться в тени.

Глава Портовой мафии одержим безумной идеей расширения своего влияния. Проблемы простых людей его не заботят. Подступиться к нему можно лишь одним способом — предложить план по уничтожению конкурентов, что косвенно поможет защитить невинных.

Специальный отдел по делам эсперов располагает огромным штатом одаренных сотрудников. Рано или поздно кто-то из них раскусит Аль-Хайтама. С другой стороны, эта правительственная структура обладает легитимностью и способна объявить официальную эвакуацию.

Оставался еще мэр — человек, жаждущий проявить себя, но сосланный в это гиблое место на фактическую изоляцию. Возле него нет опасных эсперов, и войти к нему в доверие куда проще, чем к двум предыдущим кандидатам.

Что выбрать? Высокий риск разоблачения ради мгновенного результата или долгую, осторожную игру на политической арене?

Взвесив все за и против, Аль-Хайтам тихо вздохнул.

— Ладно. Придется пойти по наименее очевидному пути.

Он поднял глаза и устремил взор на горизонт, туда, где затаилась неминуемая угроза.

Порой Кавех искренне недоумевал, глядя на то, как ведут себя дети.

К примеру, он спроектировал и построил великолепный тренировочный зал, но Сатору Годзё наотрез отказался им пользоваться. Вместо этого мальчишка целыми днями пропадал на улицах, отслеживая и избивая проклятых существ.

— Странно все это... — пробормотал Кавех.

Наверное, он просто стареет, и пропасть между поколениями дает о себе знать. Ведь он так старался угодить ребятам, учел каждую их прихоть, а на выходе получил совершенно непредсказуемый результат.

— Сатору? Да он просто без ума от этой комнаты, — тихо пояснил сидевший напротив Сюдзи Цусима. — Представь уродливую железную дверь. Сатору вышиб бы ее с ноги, даже не поморщившись. Но если перед ним окажется изящная стеклянная дверь, облепленная его любимыми наклейками с дайфуку и пирожными, он аккуратно придержит ее рукой.

Короче говоря, мальчик просто берег его подарок.

То, что гроза вся округа Сатору Годзё научился дорожить чужими трудами, само по себе было чудом. Даже в клане Годзё он прослыл ходячим стихийным бедствием, готовым в любой момент разнести фамильное поместье по кирпичику.

Здесь же, поддаваясь какому-то внутреннему порыву, он тщательно сдерживал свою силу во время тренировок, а в жилых комнатах больше не запускал шары проклятой энергии.

— Хочешь сказать, зал получился настолько красивым, что у него просто рука не поднимается там тренироваться? — Кавех изумленно моргнул.

— Именно. Сатору устроил там что-то вроде склада для пойманных существ. Расставляет их по углам вместо декораций.

Использует, но весьма своеобразно.

—...

— Не переживай, мы с Акико занимаемся там всюду.

В отличие от Сатору, двум слабым в ближнем бою подросткам не приходилось беспокоиться о сохранности стен. Даже если они врежутся в них на полном ходу, штукатурка едва ли дрогнет, а вот сильное сотрясение мозга им обеспечено.

— И то верно... — Кавех с облегчением откинулся на спинку дивана и принялся перелистывать свои чертежные наброски.

Не то чтобы эти проекты были плохими — просто в них никак не удавалось соблюсти идеальный баланс между практичностью и эстетикой, поэтому архитектор раз за разом откладывал их в сторону.

— Кавех, а каким ты видишь этот мир? — неожиданно спросил Сюдзи. Ему редко бывали

интересны другие люди, но Кавех стал исключением. Земля полна самых разных причудливых созданий, но таких, как этот архитектор, Сюдзи еще не встречал.

— Мир моими глазами? — Кавех на секунду задумался. — Наверное... я просто вижу, как тяжело приходится каждому человеку.

Он не знал, как объяснить это понятнее. Не хвастаться же своими былыми подвигами — детским ушам такое слушать ни к чему.

В его жизни было много моментов, которые приносили ему искреннюю радость.

— Кавех, а что случилось с тобой в детстве? — Сюдзи пристально вглядывался в его лицо.

Ему казалось, что столь жертвенный, патологически альтруистичный характер не мог сформироваться без глубокой детской травмы. Сюдзи и сам нередко притворялся покладистым, чтобы заслужить одобрение, но Кавеху, в отличие от него, не требовалось никакой выгоды, кроме искреннего тепла.

Построив этот дом, он думал лишь о том, как порадовать остальных. Он не ждал похвалы или признания своих заслуг.

Вероятно, так проявлялся подсознательный страх одиночества. Человек, лишенный родительской любви, пытается согреть весь мир, лишь бы не остаться наедине со своей пустотой. Со временем эта привычка въедается под кожу, превращаясь в безусловный рефлекс, избавиться от которого уже невозможно.

Но почему те, кого обделили любовью, любят этот мир сильнее остальных? Для Сюдзи это оставалось неразрешимой загадкой, ведь сам он в подобных обстоятельствах сделал бы совершенно иной выбор.

— Ну... — Кавех мягко улыбнулся. — Стоит мне увидеть чьи-то страдания, как руки сами тянутся помочь. Вот как с твоей сломанной приставкой, А-Дзи. Я ведь сразу бросился ее чинить, помнишь?

Он ласково потрепал Мехрака по корпусу, отчего тот тихо и дружелюбно запищал.

— К тому же я давно научился отличать мошенников от честных людей.

Хотя, даже понимая, что его обманывают, Кавех все равно шел на выручку — просто из страха, что чужая беда может оказаться настоящей.

Казалось бы, повзрослел, а глупые привычки остались прежними.

Даже не знаешь, как к этому относиться.

— Понятно, — кивнул Сюдзи.

В сущности, в этом не было ничего странного.

Просто в этот момент мальчик отчетливо понял, почему Кавех и Цунаёши Савада находят свое счастье в защите других. Они не просят ничего взамен, но чужая радость согревает их собственные израненные души.

— Кавех, тебе тоже нужно научиться быть слабым. Капризничать и жаловаться, если тяжело.

Этого архитектор явно не ожидал.

— Но ведь я уже взрослый мужчина?

— И что с того? Ты член нашей семьи. А в семье каждый имеет право на слабость, сколько бы лет ему ни было. Ты ведь сам нам это говорил. Не смей исключать себя из этого правила.

Удивительно, но пригретый им ребенок вдруг начал рассуждать как умудренный опытом взрослый.

— Кажется, ты совсем вырос, А-Дзи, — растроганно произнес Кавех.

— Это просто ты у нас слишком наивный.

Настолько наивный, что Сюдзи невольно хотелось обнять его и уберечь от всех невзгод этого жестокого мира. Но Кавех, судя по всему, даже не замечал, как сильно его здесь любят.

— Хорошо-хорошо, ты абсолютно прав, — Кавех тепло улыбнулся и ласково взъерошил мальчику волосы.

В тихом уголке уютного дома воцарилось молчание, полное немого понимания.

<http://bllate.org/book/18256/1755674>